

Вечер не предвещал ничего интересного. Политреклама в преддверии самых важных выборов страны забивала сотню каналов кабельного телевидения, все мало-мальско интересные фильмы и передачи. По «Спорту» спорту любимый «Даромгард» весьма разнообразно пялили, пердолили и насаживали в разнообразных хоккейных позах новички лиги из «Вьюрги». Ощущение было, что многочисленную армию болельщиков гомска прямо через экран без всякой смазки с новыми элементами садомазо — клюшками и другими элементами экипировки во все отверстия горстка негодяев отснашивала с завидной периодичностью. Во рту горький привкус поражения явственно напоминал вкус спермы, внутри все горело, а выхода закипавшим в крови волнениям не наблюдалось.

Пиво уже уныло и обреченно теплилось на телеке, захотел чего-нибудь покрепче. При выходе из комнаты остановился перед красным сигналом домофона:

— Да?

— Избирательная комиссия, откройте, пожалуйста, — сказала трубка женским голосом. Обычно торговых агентов, разнообразных сектантов и наркоманов отсылаем на#8230; даже припугиваем собакой, а тут из двух зол безрадостного и скучного вечера захотелось выбрать меньшее:

— Заходите.

Этих самых «зол» и вправду было две, поближе была миловидная, румяная с мороза женщина немного забальзаковского возраста в аккуратной приталенной дубленке со специальной сумкой и фирменным партийным шарфиком на шее. Мой пес гавкнул для порядку, вдруг поднял голову, шумно втянул воздух, и-#8230; завилял хвостом (здравствуйте, дорогие мои???)

— Разрешите пройти, собачка не кусается? — смело шагнула заметной даже под дубленкой грудью первая, глядя прямо в глаза.

— Проходите, собачка у нас маламут, а не людоед#8230; — скомкано пошутил я,#8230; а в глазах первой леди избирательной комиссии горели, нет, сверкали в бесовском диапазоне слегка увлажненные бесценные изумруды голодной женщины.

— Мы хотели бы задать несколько вопросов и заполнить анкету, — тоже достаточно напористо произнесла вторая, — но в блеске глаз буквально пожирающей меня первой внешний вид еще не просматривался.

В этот момент пес энергично и бесцеремонно двинулся носом вперед, приподняв закругленные полы одежды первой и ткнулся «куда надо», учуяв своим собачьим нюхом то, о чем пока не было сказано не буквы. Его действия, плюс мимолетная загадка в глазах первой женщины включили

невидимые механизмы, потеплело, разлилось вокруг пупа, ниже, внутренние стороны бедер сладострастно затрепетали в предвкушении мягкой нежной податливой женской плоти.

— У вас собака не маламут, а сексуальный маньяк! Что Вы женщин в коридоре держите?! Мы и так уже достаточно замерзли! — улыбнулась первая, проявив симпатичнейшие ямочки на щеках и пытаясь несильно оттолкнуть припавшего пса.

— Проходите, раздевайтесь, на кухню пожалуйста#8230; — а в голове лихорадочно запилило — что? где? куда? двое?#8230; , но через секунду, пока женщины снимали

верхнюю одежду и сапоги, прихорашивались перед зеркалом, — еще разок вкользь пройдясь взглядом по их аппетитным формочкам, пазл сложился, и-

— Вам для заполнения анкеты МАНДАТ нужен?

— Конечно, конечно, — защебетали, и тут приоткрылась вторая, у нее на голова «кукуруза», как у опального премьера братской республики закручена, выдергивает шпильку-чеку, коса с характерным шумом, всколыхнув воздух, падает вниз, а мне показалось, что этой волной воздуха полы моего халата на манер платья Мерлин Монро приподнялись, особенно спереди. Мать честная, толстенная косица ниже задницы, пардон, попки, под буклированным свитро-платьем отчетливо прорисовывались полосы обтягивающего белья. (… за эту бы косицу, да в собачьей позиции, натягивать-подергивать т. н. бразды правления… спокойно, брат, спокойно…)

— Проходите на кухню, сейчас принесу паспорт и запру собачку, — сказал я и с немалым трудом протолкнул заупиравшегося кобеля в комнату, где из секретера достал документ. Дамы краем глаза взглянули на разбросанные на диване подушки, беспорядочное пиво и снековый комбикорм — и снова блеснули догадливостью:

— Наши проиграли?

— Влетели…

— Ну, влетели — не залетели, в другой раз!

— Другой раз через полгода будет, болельщикам куда энергию-то выплескивать?!

— Участвуйте в выборной компании, нам активные нужны!

Первой на кухню прошла ВТОРАЯ, с косицей, и села с дугой стороны стола, вторая в длиннополой юбке и цветастым платком-шалью поставила сумку на табуретку и стала выгружать какие-то бумаги, слегка наклоняясь.

Подойдя сзади, плотно прижался к ней, левую руку положил на талию и слегка наддал всем телом обозначив довольно напрягшегося дружка на ее спелой попе. Правой положил паспорт на кухонный стол, на обратном движении положил тоже эту руку на талию и наддал еще разок, развевая миф о случайности происходящего. Меня ждали! Она с виду неловким движением уронила на пол ручку и с видимой медлительностью наклонилась прогнувшись немного в спине. Попа от наклона оттопырилась, изрядно запрессовав зазудевшего сразу члена. В крайней нижней точке она на секунду замерла, а я встретился взглядом со второй девушкой, раскрывшей для вида мой паспорт. Она внимательно наблюдала за согнувшейся «раком» напарницей, за моими руками на ее талии, за плотным контактом таких далеких еще друг от друга людей! На секунду она приоткрыла пухлые губки и скользнула по ним языком. Моя «партнерша» выпрямилась, немного отстранилась и поглядела с вопросом вполборота. Под нависшей шалью основательно провел по ее груди и передвинулся к плите, разжигая чайник. Ушами, затылком видел безмолвный разговор дамочек, и весьма эмоциональный.

— Трахин Сергей Иванович?, — поинтересовалась ВТОРАЯ, помоложе, глядя поверх паспорта.

— ТраКин, там нечетко прописано, некоторые путают. А вас как звать?

— Ира… Ирина Геннадьевна *** — представилась старшая.

— Виктория Алексеевна*** — с подчеркнутым официозом сказала вторая.

— Чай-кофе…

Смышленные девушки активно продолжили фразу известной песни:

— … потанцуем, водка-пиво полежим. Соловья баснями не кормят…

— Понял, и сам хотел коньячку с расстройства за поражение, да и вы, говорите, подмерзли. Грудинку уважаю, а вы?

— От хорошей грудинки не откажемся, помочь подрезать?, — спросила Виктория Алексеевна.

— В холодильнике. Чайник ставить?

— Да мы еще не уходим. Вашим туалетом можно воспользоваться, Сергей Иванович? — спросила Ира.

— Конечно, называйте меня Иваном, Ваней, я по святцам Иоанн, мне так больше нравится. Ира пошла в туалетную комнату, Виктория Алексеевна достала брикет грудинки и стала деловито его строгать. Я на секунду задумался — как овладеть посподручнее этим чудом природы, попка сочно нависает, грудь распирает все мое воображение; Тут клацнул замок ручки и по коридору к нам проследовал пес Рокфор, с его ростом и массой открыл дверь — плевое дело. По-деловому он подошел к Виктории Алексеевне и стал бодать ее головой, требуя кусок. Спасибо, Собака!!! Присев на корточки, широко раздвинув ноги, так что навывалили стали боксеры с набрякшим содержимым, погладил зверя:

— Что же ты позоришь меня, словно тебя не кормят, иди на место! — указал ему на дверь. Виктория Алексеевна повернулась, понимающе оглядела меня, опустилась на колени напротив:

— Может, он тоже грудинки хочет?

— Мне одному мало! Иди на место! — вновь жестом показал на дверь. Пес обиженно (как побитая собака!) заковылял в коридор.

Виктория Алексеевна была ближе чем на вытянутую руку в соблазнительной сексуальной позе между моих раздвинутых ног.

— Ой, у Вас пол с подогревом; — сказала она.

— Называй меня Ваней. Да у нас очень тепло, даже жарко. Снимай платье.

Тонкая улыбка скользнула по ее губам. Неспешно, с достоинством, с насаждением, она приподнялась на коленях и за подол потянула платье вверх. Последней из ворота со стуком вывалилась коса, и от этого стука член сразу вырос не менее чем на 2 сантиметра. Еще на ней оставались плотные зимние колготки дэн на 70, сиреневая водолазочка.

— Вот это у тебя коса — хвост! — протянул я руку и слегка сжал косицу.

— Вот это у тебя коса — хвост! — в тон мне произнесла Виктория Алексеевна и положила мне руку на пульсирующий пенис, ловко, одним неуловимым движением переведя его из-под плотной лямки вверх.

— Поцелуй его!

Она наклонилась, перейдя в молитвенную позу, и, забавно вытянув губы, стала умильно целовать член в его маленькие губки, не забывая с каждым поцелуем проникать между маленьких лепестков языком и ласково-требовательно сжимать его в левой руке.

Левша!!! (не только подковать блоху может!!!), хотя в сексе это неважно. Правая ее рука скромно приобняла колено. Зуд в органе заметно прибавил оборотов. Минута-полторы такой ласки показались блаженством вечности. Пожалуй, впервые ощутил, как вязкий секрет смазки поднялся по стволу и начал увлажнение и смазку окружающей природы. Вкус Виктории не очень понравился — она подняла голову:

— Ты говорил, что любишь грудинку? А мне субпродукты предлагаешь.

В какой-то момент забыл, что в квартире еще Ира есть, всего-то отошла на 3 минутки, да и коньяк простаивает. Шум воды за стенкой прекратился, мы поднялись с колен, член нахально торчал между полами халата. Ира открыла дверь, быстро прошла в прихожую и что-то засунула видимо, в верхнюю одежду. Прошла к нам, и я заметил отсутствие гамашей. Наш вид ее заметно обрадовал, она с заметным одобрением сказала:

— Вижу, Вы уже раззнакомились. Но без меня заполнение АНКЕТ будет считаться недействительным!

— Документы мои вы видели. Предъявите ваши, — с нарочитой суровостью произнес я. Ира медленно, с вызовом, сняла свой платок, жакет, расстегнула пуговицы на цветастой кофточке. Секундное замешательство. Отводит руку, выгодно обнажив распирающие чашки булки, снимает кофточку с одной, а потом с другой руки. Там кружевное светлое белье с темными окантовками без всяких признаков ваты и поролон заканчивается для рассматривания линией юбки. (Наверно, бодик…) Подходит, с серьезным видом берет меня за конец на манер рукопожатия.

— Будем знакомы…

Потом садится к столу, кинув ворох одежды на свободную табуретку.

Принимая формат игры, Виктория Алексеевна сдирает с себя водолазку. Гладкий блестящий типа атласного лифчик тоже наполнен содержимым под завязку, на чашечках явственно проступили бугорки сосков. Задорно шлепает торчка:

— Привет, привет… — и, бросив водолазку в ком Ириной одежды, садится по другую сторону стола.

Достаю рюмки и бутылку, приближаюсь к столу и начинаю наливать. Фаллос на правах хозяина достаточно мощно возвышается над столом, приковывая пожирающие взгляды обеих женщин.

— По нашим данным, избирателей в этой квартире несколько… — не отрывая взгляда от качающегося ВАНИ, говорит Ира.

— К моей безмерной радости, вынужден заменить сегодня троих. — (утрировал, конечно, но жена и впрямь на дежурстве, ну а сын — в Чернослучье, с девками, наверн) Поднял рюмку

— За знакомство! — чокнулись, все выпили до дна, заели нехитрой закуской. Сел на табуретку во главе стола. Член поменял угол наклона, отчаянно пытаюсь заглянуть на происходящее. Малиновая головка кипела, пыхла переполненной страстью.

— Ну, расскажите мне про вашего кандидата — подкинул новую тему разговора.

— Наш кандидат — крупный бизнесмен, сильный, мужественный, целеустремленный, где надо — жесткий деспот, где надо — кипящий мармелад, сладкий, нежный, ароматный.

Неутомимый труженик, весельчак — душа компании, мастер во многих профессиях и делах, надежда и опора многих женщин. Мы, как члены избирательной компании, настаиваем, что-бы Вы, Сергей Иванович, определились с выбором и начали ГОЛО — СОВАТЬ прямо сейчас! — именно так, с расстановочкой, закончила фразу Ирина Геннадьевна.

Я сполз с табуретки к ее ногам, протянул руки, взялся за пояс юбки, потянул вниз. Она приподняла зад, пропуская ткань, одну за другой высвободила стройные для ее возраста ноги и развела их в стороны, приглашая на куник. Нижняя часть боди, искружавленная в форме шорт, замечательно обтягивала не юное, но крайне аппетитное тело. Проведя руками по внутренней поверхности бедер, почувствовал волнообразное движение под кожей и вставшие «дыбом» следы эпиляции, расстегнул крючок на промежности и откинул верхнюю часть.

Лобок, зона бикини да и вообще вся пизда были чисто выбриты. (ГОЛО — СУЙ!!! — Зазвенело у меня в затылке и в яйцах. Успела помыться — запах еле уловим, — подумалось), наклонился и провел языком по набухшим приоткрывшимся губам, приподнял капюшон клитора.

— Еще, еще — с хрипотцой выдохнула Ира, с шорохом сжимая материю у себя на груди — сильно и интенсивно.

Провел раз-два-три-четыре-пять и проник в дырочку едва успел там чуть-чуть пошевелить как Ирка схватила меня за уши и энергично стала насаживаться на мой нос, приговаривая:

— ваня-ваня-ваня-ваня-ваня-ванечка… особого удовольствия от ощущения горошины клитора на переносице и больших половых губ, достававших до щек, не испытал, стал отталкивать ее, попытался вывернуться, но Ира вцепилась в уши когтями, до боли, до крови, и свое:

— ваня-ваня-ваня-ваня-ваня-ванечка — и тут сильно вздрогнула всем телом.

— Мадам, Вы чуть не сломали мне нос.

— Сломаем одного, выдвинем другого! Тем более, он уже сам выдвинулся! — храбро и нахально заявила Ира.

— На выборах много вопросов надо решать по месту, — сказал я и перелег на спину, развязав пояс. Резинка боксеров, заведенная под мошонку Викторией Алексеевной, откинула дружка на живот.

— Иди-ка сюда, дорогуша, — протянул к ней руку, Ирка с готовностью вскочила, перешагнула меня опустилась на колени, приподняла зад и рукой вправила член жаркую и влажную вагину, другой опираясь мне на грудь. Секунду поощуцала и с размаху насадилась на ВАНЮ, не то охнув, не то квакнув при этом. Волна сладостной радости за ВАНЮ, наконец-то оказавшимся в своей стихии с гордо расправленными плечами разбилась об волнолом боли раздавленных яиц. Ирина пронизывающе посмотрела в глаза, приложила палец к моим губам, и затанцевала необыкновенный танец, меняя ритм и амплитуду, то приподнимаясь почти до неба и по миллиметру, по миллиметру вбирая в себя вибрирующий ствол, то наклонялась при фрикциях в разные стороны, позволяя мне проникать в самые отдаленные уголки женской сути, то опустившись до предела, совершала движения тазом вперед-назад массируя отросток по всей длине. Особом вкусом давило небо безвестность, незнание, что вытворит она в следующую секунду. Я стал похож на скалу, на островерхий вулкан, на столб, словно лежал не на спине, а был врыт, вколочен в породу и каждая следующая ласка и фрикция лишь полировала наскальные рисунки набухших вен. Ира на сей раз кончать не торопилась, трясла дойками при движениях, закатывала глаза и все повторяла:

— ваня-ваня-ваня-ваня-ваня-ванечка…

Войдя в состояние равновесия, посмотрел на Викторию. Она во всю наблюдала за нами, разглаживая свой и без того гладкий лифчик, не совсем, конечно, с двумя крупными пупырями.

— Виктория Алексеевна, налейте рюмочку за здоровье нашего кандидата, — монотонно сказал избиратель.

Ира была уверена в скором выстреле с моей стороны, замерла и вопросительно посмотрела:

— Разве Вам неубедительны доводы избирательной комиссии?

— Комиссия не бывает из одного человека.

Виктория налила три рюмки, одну передала сидящей на мне Ире, вторую мне, чокнулась с

наездницей, потом обе со мной, замахнула коньяк и быстро кинула в рот закуску, жадным взглядом ожидая дальнейших указаний.

Медленно влив в спиртное, покатал его во рту, и картинно вытянув руки закричал священным шепотом:

— Грудинки, грудинки, — одновременно подкинув верхнюю женщину несколько раз для продолжения танца. «Пластинка» немедленно завелась, страсть танца вспыхнула с новой силой. Виктория опустилась на колени, в мгновение скинула с себя лифчик и покрыла мое лицо маняще пахнущей грудью, с азарту пребольно пристукнув меня головой о кафельный пол (а-а-а-а, сучка, еще одна садо-маза, ей не поебаться, а помучить мужика надо). А грудь была хороша; Я вцепился в них двумя руками и потерялся в ложбинке благоухания. Целовал, лизал, сосал совершенно беспорядочно, попадавшие в этой бурной ласке соски покусывал, прижимал языком и оттягивал насколько это было возможно, выстреливая потом как из рогатки. Виктория по достоинству оценила приемчик, радостно негромко смеялась и вздыхала, все больше покрываясь пятнами и ероша волосы на моей голове. В какой-то момент ее глаза стали совсем безумные, широко раскрытым ртом она набросилась на мой рот, словно хотела проглотить меня, и бессвязно бормоча между вздохами:

— Бей меня, бей; — сквозь пелену кайфа недоходило, но опытная ЖЕНЩИНА услышала. Звонкая плюха разорвала шуршащую тишину, Виктория Алексеевна дернулась от удара ладонью по жопе наотмашь, ее лицо пронзила гримаса нечеловеческого удовольствия, она выпрямилась и с закрытыми глазами стала покачиваться как пьяная из стороны в сторону.